

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1.....	5
Глава 2.....	20
Глава 3.....	34
Глава 4.....	47
Глава 5.....	61
Глава 6.....	75
Глава 7.....	89
Глава 8.....	105
Глава 9.....	120
Глава 10.....	133
Глава 11.....	149
Глава 12.....	163
Глава 13.....	176
Глава 14.....	189
Глава 15.....	204
Глава 16.....	217
Глава 17.....	231
Глава 18.....	246
Глава 19.....	261
Глава 20.....	274
Глава 21.....	288
Глава 22.....	303
Глава 23.....	320
Глава 24.....	336

Глава 1

Вжу-ух, бах! Вечернее небо над моим швейцарским поместьем расцвело яркими огнями фейерверка. Взрывы серебра, золота и пурпурных звезд осветили горные пики и озеро, простирающееся внизу.

Ахи гостей доносились отовсюду — из великолепного сада, который, впрочем, уже начал опадать, из просторного бального зала, где оркестр только что играл вальсы Штрауса. Вилла князя Баталова, хотя и была местом для уединения, на этот раз превратилась в эпицентр светского праздника.

Я стоял на балконе второго этажа, наблюдая, как очередной залп освещает задумчивую морду льва, украшающего один из каменных фонтанов в саду. Было что-то символическое в этой сцене — спустя шесть лет, как я приехал в Швейцарию, мое лицо было таким же напряженным и застывшим, словно маска. Да и поза очень походила на ту, которую принял «царь зверей» — готовность к прыжку.

Внизу раздались шаги, и почти тут же начался негромкий разговор. Привычка к осторожности и врожденное любопытство заставили меня подойти ближе к парапету и прислушаться.

Два швейцарца, врачи моей клиники, не знали, что их разговор подслушивают. Один из них, Жак — обычный терапевт, — с детской непосредственностью жаловался коллеге-рентгенологу:

— Ну, скажи мне, в честь чего этот праздник? Это не день рождения князя, не именины... Я бы понял, если бы он хотел отпраздновать какую-нибудь крупную сделку, но про это тоже ничего не было слышно.

Другой, Эмиль, сдержанно рассмеялся:

— Ты хочешь понять князя? Удачи, друг мой. Этот человек — загадка даже для тех, кто с ним давно работает. Человек-мотор, человек-оркестр. Князь может делать десяток дел одновременно и во всем добиваться успеха.

— Но он не праздновал даже вручение премии Нобеля в прошлом году! Только небольшой фуршет для коллег в клинике. А сейчас вдруг такое... Может быть, это способ отвлечь внимание? Но от чего?

— Хм. А может, он просто хочет показать, что в состоянии себе это позволить? Собрать сюда весь свет Базеля, Женевы и Цюриха? Приехали даже итальянцы с немцами! Представляешь, я только что жал руку самому Роберту Коху...

— Я тоже. Но все это очень странно.

— Не важно, в любом случае праздник вышел на славу.

— С этим трудно спорить. Пойдем в зал, опять начинаются танцы. Хочу пригласить Шарлотту на тур вальса...

Я остался один, в тишине. Фейерверк закончился, сад погрузился в полутьму.

Что же я так пышно отмечал? Свое третье рождение. Первое случилось, как у всех обычных людей — в тысяча девятьсот восемьдесят втором году, когда меня произвели на свет в московском роддоме. Слегка недоношенным, но, по утверждению моей матери, беспокойным и крикливым. Второй день рождения выдался необычным. В 2021 году я умирал от тяжелой болезни. Уже написал завещание, отложил деньги на похороны. Но случилось чудо. Я внезапно оказался в прошлом. Не сказать, чтобы здоровым, но точно живым. И молодым!

Наконец, третье рождение произошло шесть лет назад в деревне Симплон-Дорф. Во время путешествия по перевалу у меня случился острый аппендицит. Вспомню — вздрогну.

Да, операцию я закончил, хотя Васе пришлось меня в себя приводить, когда я потерял сознание от боли. Шов на брюшину минут десять еще накладывал, под молитвы афророссиянина. На самом деле он мне здорово помог, без него у меня не хватило бы сил даже организовать все.

После всего, когда повязку сверху на швы клею олом приклеил, попросил глоток коньяку. Да, это

против врачебных рекомендаций, но вот такой я недисциплинированный пациент. А потом мне на ноги улегся котейка. Наконец-то я его увидел — простой дворовый швейцарской породы, худого рыжего оборванца, всего в шрамах. А пришел помочь мне. Запретил Васе трогать гостя — пусть отдыхает. Коты — это мои «талисманы». Да и хуже, чем есть, не сделает.

А потом я все же уколол морфий, в надежде поспать. И у меня получилось. На несколько часов забылся.

Дорогу пробили ближе к полудню, с итальянской стороны. Я уже совсем бодрячком себя чувствовал: температура тридцать семь с половиной, давление сто десять на семьдесят, пульс не частит. Из раны отделяемое серозное, скудное. Живем!

Попутчики наши молча потеснились, выделив больному все заднее сиденье, где я и лежал как король, на подушке и укрытый одеялом.

В дороге разговорился с соседями. Удивленные тем, что я с собой сотворил, они только восхищенно хмыкали и чесали затылки. Узнал о дальнейшем маршруте. Оказалось, что часа через три должны прибыть в Домодоссолу, конечный пункт путешествия. Герр Дитрих, старший в компании, сразу расставил точки над «і»:

— Дрянь место, конечно. Только склады и оптовая торговля. Доктор там есть, но вам, герр фюрст, я бы не советовал к нему обращаться. Сколько туда езжу, больше двадцати лет, а трезвым его ни разу не видел. И в кабинете у него грязно, как в за-

бегаловке для бродяг. Уж лучше я дам племянника, вот, знакомьтесь, Матиас, — он хлопнул по плечу своего спутника, — он вас посадит на поезд до Милана, два часа ехать. А там разберетесь.

Как бы меня в вагоне не растрясло... В своих швах я был уверен не на сто процентов.

— Благодарю. Сам бы я...

— Только время теряли. Нет, ну скажите, а? Разрезал себе брюхо, отчищал лишнее, а потом зашил! Рассказать кому, герр фюрст, не поверят ведь! Про такое в газеты надо. Обязательно!

— Когда меня будут спрашивать журналисты, я непременно вспомню наше путешествие и вас.

Герр Дитрих довольно погладил усы. Реклама торговле не помеха, очень даже наоборот.

Домодоссола не запомнилась примерно ничем — меня перенесли в повозку и отвезли на вокзал. До поезда оставалось чуть больше часа, и я продолжал блаженствовать уже на деревянной лавке, но с той же подушкой под головой. Матиас притащил откуда-то еду, и они с Васей принялись закусывать после дороги.

— Поеду с вами в Милан, — вдруг сказал наш провожатый. — Отвезу вас там в больницу, да погуляю немного.

— А дядя?

Племянник засмеялся:

— Так я у него не в рабстве. Сегодня все равно для меня работы не будет, а утром вернусь. Поворчит и успокоится. А то его послушать, так в молодости ни одна девица без его внимания не обошлась, а мне что, нельзя? К тому же по-итальянски ни вы, ни ваш слуга и слова не знаете, помогу.

Я достал купюру в сто франков, подал парню. Отказываться он не стал.

В приемный покой университетской клиники меня занесли на носилках и переложили на кушетку. Вокруг собралась небольшая процессия: носильщики, пожилая медсестра и Матиас, который начал энергично объясняться с персоналом. Верховодила медсестра, которая стала что-то недовольно рассказывать на итальянском. Наш провожатый ей отвечал, напирая на нее, в итоге через десяток секунд они уже что-то верещали, практически соприкасаясь лбами. Но скоро правда восторжествовала, и, продолжая жестикулировать, медсестра ушла. Но вернулась через минуту, с доктором. Ну вот, может, этот разговаривает на понятном мне языке.

— Здравствуйте, простите за задержку, — начал он на приличном немецком. — Моя помощница что-то не так поняла, наверное. Она говорит о какой-то операции.

— Аппендэктомия. Сегодня ночью. Разрешите представиться: профессор Баталов, хирург.

Доктор распахнул глаза, словно я объявил, что прямо сейчас прилетел с Марса.

— Тот самый? Боже, какое счастье! Паола! — и он затараторил, частенько поминая слово «сифилиде». — Простите, я — доктор Капоселла. Такой день! Позвольте перенести вас в перевязочную, мы посмотрим состояние раны.

Слабость была такая, что мне не мешали ни переноска, ни бесконечный речитатив на итальянском. Только и хватило сил дать Матиасу еще пятьдесят франков на прогул. Но несмотря на шумовое сопровождение, несли меня бережно, перекладывали как весьма хрупкую драгоценность. Когда добрались до раны и доктор наконец снял повязку, то первое, что он спросил, было:

— Боже, кто накладывал вам швы?

Ну, сейчас итальянца ждет новый шок.

— Я сам. Мне пришлось провести операцию от начала до конца в одно лицо, при помощи моего слуги, который подавал инструменты, а потом обеспечивал нюхательной солью.

— Невероятно, герр Баталофф! Как такое возможно? Я должен позвать руководство клиники! Одну минуту, ради бога! Мадонна, что за человек?!

Интересно, а сфотографироваться предложат? Я бы и шов заснял. Для истории.

— Повязку покажите только.

— Да, конечно! Отделяемого немного, серозная жидкость, без запаха. Вы великий хирург, герр Баталофф! — И снова пулеметные очереди итальянского с экспрессивной жестикуляцией.

Вскоре Капоселла вернулся в сопровождении группы коллег. Зашли пожилой ректор университета, старший врач клиники и еще человек пять. Все переговаривались вполголоса, явно осознавая, что стали свидетелями чего-то из ряда вон выходящего.

— Герр Баталофф, — заговорил ректор, подойдя ко мне. — Позвольте выразить восхищение вашим мужеством и мастерством.

Я только кивнул, ощущая, как слабость вновь накатывает волной. Хорошо хоть визит начальства продлился недолго. Впрочем, меня сразу после них поместили в какую-то одиночную люкспалату, так что все было терпимо.

— Доктор Капоселла, у меня к вам несколько просьб, — попросил я врача, когда волна желающих посмотреть на диковинку схлынула.

— Конечно, герр Баталофф, все, что в моих силах.

— Первое: поставить кровать для моего слуги. Он мне может понадобиться в любое время.

— Сейчас сделаем.

— Второе: дать телеграмму. Я дам адрес и текст. Естественно, все будет оплачено.

— Диктуйте, немедленно этим займусь.

— Фрау Агнесс Баталофф, Базель, Гранд Отель Эйлер. Текст: «После экстренной операции нахожусь в клинике в Милане». Добавьте ваш адрес. Пока все. Я, с вашего разрешения, отдохну.

— Одну минуту, терпение! Сейчас вам принесут бульон! Сколько вы без пищи? Организму надо брать откуда-то силы!

Остатка этих самых сил хватило лишь на то, чтобы взглянуть в окно. Блин, ночь уже, звезды мерцают. И никакого снегопада.

На следующий день мне лучше не стало. Лихорадка держалась, прыгая ближе к тридцати восьми. Слабость была такая, что даже пить воду казалось подвигом. Тошнота сопровождала каждый глоток, а боль в животе становилась все более навязчивой и невыносимой. Мне прописали стрептоцид, вливали жидкость внутривенно, а вечером перелили пол-литра крови. Толку от этого было немного. Разве что легкое ощущение тепла в ладонях и ступнях после процедуры, но не более. На газеты, в которых писали про меня на первых страницах, только взглянул. Все равно я по-итальянски не понимаю.

На перевязке все то же — скудное серозное отделяемое, рана заживает первичным натяжением. Доктор Капоселла уверял, что это хороший знак, но мне казалось, что и ему самому верилось с трудом. Состояние не улучшалось, а картина моего здоровья насыщалась все более мрачными оттенками.

Дальше — та же петрушка. Лучше не становилось. Если бы кто записывал мои размышления, то после минимальной обработки можно было смело отправлять в печать солидную монографию под названием «Дифференциальная диагностика

послеоперационных осложнений аппендэктомии». Ни одно, даже самое завалющее и редкое, не осталось забытым. Я перебирал все: от банальной раневой инфекции до формирования скрытых гнойников. Но ни одна гипотеза не удовлетворяла полностью. Информации было катастрофически мало, да и ставить диагноз самому себе — гиблое дело, даже для профессора. Это когда на перевале не оказалось рядом никого, да еще и случай очевидный, можно. А вот так — нет.

И на третий день улучшения не наступило. И на четвертый — тоже. Лихорадка росла, боль в животе справа внизу никуда не делась, больше того — она нарастала. Противная, тягучая, будто тянущая на себя жизненные силы. Потому что я уже не лежал, а валялся, не в силах осуществить даже минимальные движения. Явно нарастает интоксикация. А она от чего? От гнойно-септических осложнений, это ясно кому угодно. Только вот в какой форме? В голове бился один вопрос: «Что гниет внутри меня?» И где именно?

И от Агнесс ни слуху ни духу. Хотя телеграмму доктор Капоселла отправил.

Вокруг моего живота вертелась постоянная карусель. Меня трогали все, кто имел хоть какое-то отношение к хирургии. Каждое утро приходил Капоселла, за ним — его ассистенты, студенты и медсестры. Пальпация, вопросы, советы, споры. Но прийти к единому мнению не могли, точно как я. Мне только пальпировать себя было не так удобно.

Наконец решили собрать консилиум. Семь специалистов в строгих пиджаках и с надменными выражениями лиц явились ко мне в палату. Постояли у постели больного, послушали резюме от доктора Капоселлы, покрутили рентгеновский снимок, еще раз попальпировали несчастное брюхо и начали высказывать мнения.

За эти дни я итальянский не выучил, но некоторые слова тайного языка медиков звучат примерно одинаково, даже на тайском и суахили, потому что ведут начало из латыни. Так что «флуттуационе» я понял сразу. После того как оно было произнесено в первый раз, остальные снова полезли щупать живот и согласно кивать головами. От болезненных переживаний я слегка одурел, но прозвучавший приговор «ацессо интраперитонеале» новостью уже не был.

Перевода «внутрибрюшинный абсцесс» я не дождался, потому что потерял сознание.

...Если красть, так миллион. А получать осложнение, так одно из самых хреновых, какие только можно представить. Внутри меня начал собираться в кучу гной. Если ничего не делать, то, скопив критическую массу, эта фигня рванет, и хорошо, если меня успеет навестить нотариус, чтобы составить завещание. Кстати, неплохая мысль. Потому что даже если что-то делать, шансов-то не очень много.

— Господа, прошу прощения, что покинул вас на время, — сказал я, надышавшись нюхательной солью по самое некуда. — Согласен с диагнозом. Настаиваю на срочной повторной операции с целью вскрытия абсцесса и его дренирования.

Участники консилиума согласно закивали. Вот что называется «давить авторитетом». Озвучил очевидное, а звучит все равно солидно!

— Кстати, а какое количество лейкоцитов в сегодняшнем анализе крови? — спросил я Капоселлу.

— Тридцать тысяч, герр профессор, — не задумываясь, ответил доктор. — Не хотите ли пригласить священника перед операцией? Поищем православного, кажется, был какой-то грек в городе.

— И нотариуса, — согласился я. — Риск велик, не будем медлить. Если не найдете православного, то я согласен и на католического служителя. В такой ситуации не до конфессиональных разногласий.

Как ни странно, я чувствовал себя совершенно спокойно. Нет неопределенности, все ясно. Что будет на операции, представляю. Равно как и последствия. Перитонит и все, отправляйся, Баталов, на новое перерождение. Может, позвать буддиста исповедовать? Короче, зачем переживать, если изменить ничего нельзя?

— Сейчас отправлю кого-нибудь, — кивнул Капоселла.

— И еще парочку телеграмм.

— Да, профессор?

— Записывайте. Бреслау, университет, профессору Микуличу-Радецкому. И Москва, Большая

Молчановка, «Русский медик», доктору Моровскому. Текст одинаковый: «У Баталова после аппендэктомии внутрибрюшинный абсцесс. Вы знаете, что делать. Поспешите».

— Сам Микулич... — прошептал доктор. — Хирург, который смог разделить сиамских близнецов? Он придет сюда?

— Надеюсь. Пожалуйста, отправьте поскорее.

— Да, конечно.

Я набросал на бумажке черновик завещания. Патенты на все свои лекарства, разумеется, в общее достояние, «Русский медик» и скопленные деньги — пополам Агнесс и детям Лизы. Что еще? Клиники? Та, что в Москве — коллективу во главе с Моровским. Та, что в Питере — моя доля отходит Романовскому персонально. А вот что делать с базельской — так и не придумал.

Операция прошла штатно, насколько это вообще возможно в моей ситуации. Когда я пришел в сознание, мне в подробностях доложили о ходе вмешательства. Не сразу, конечно, а после того, как удостоверились, что я способен воспринимать информацию. Итог был предсказуемо неутешителен: ничего хорошего сказать не можем, герр профессор. Диагноз подтвержден. Абсцесс вскрыт, промыт, поставили дренаж. Естественно, провели ревизию на предмет неожиданных находок. Увы, скрытых жемчужин не нашли. Молимся и ждем.

Конечно же надеемся вместе с вами. Священник сейчас прибудет.

Встреча с представителем церкви приятно удивила. На хорошем немецком падре общался со мной часа два. Задавал вопросы о моем здоровье, делился историями из своей практики, явно стремясь отвлечь меня от мрачных мыслей. Даже моего православного происхождения он никак не коснулся, проявив удивительную тактичность. Профессионал. Мне даже немного легче после него стало.

Сутки после операции было туда-сюда. Упала температура, через дренаж текло умеренное количество серо-желтой жидкости. Эта была, сугубо для разнообразия, с запахом. Довольно знакомым каждому врачу. Так пахнет смерть — разложением и безнадегой.

Микулич приехал через тридцать шесть часов после получения телеграммы. По его словам, даже домой не заезжал, придется послать кого-нибудь купить смену белья и рубашки. Встречали Йоханна как лицо королевской крови. Разве что красную дорожку не расстелили и цветы не возлагали. Вот она, репутация лучшего хирурга в мире — все, начиная от главного врача и заканчивая последним ординатором, перед ним благоговели и считали откровением каждое слово.

— Женья, ситуация опасная, — сказал Йоханн, изучив анализы и мой организм. — Слишком быстрое развитие абсцесса, трое суток всего. Обычно такое недели через две созревает. Что-то ты там в альпийской хижине особо хищное зацепил.